

Рассказы
Начальной
русской
летописи

художник И. Архипов

МОСКВА
· ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ·
1982

Первое произведение по истории Древней Руси

Начальная русская¹ летопись — так принято называть «Повесть временных лет», то есть «Повесть о былых годах», составленную монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в начале XII века на основании многих предшествующих, не дошедших до нас летописей XI века и различных русских и греческих исторических источников.

Удивительно появление этого произведения и не менее удивительна его судьба.

Чтобы у народа появилась необходимость в создании своей истории, в выяснении своих истоков и связей с другими народами, а тем более места своей истории в истории мировой, — для этого нужно было уже обладать высоким национальным самосознанием. Это самосознание было в Древней Руси уже в устном народном творчестве. В тех устных произведениях, которые отразились в составе «Повести временных лет», уже явно чувствуется интерес к истории, к происхождению названий тех или иных городов или урочищ, к военным подвигам предков.

Нетрудно различить и главные типы фольклорных исторических произведений, использованных летописью. Их несколько. Один из главнейших — местные легенды, связанные с урочищами, могильниками, селами и городами всей великой русской равнины.

Могильные насыпи издавна и у всех народов были связаны с историческими преданиями. Высокие холмы, насыпавшиеся над могилами вождей, сами по себе свидетельствовали о стремлении сохранить на многие поколения память об умерших. Но, кроме того, память о погребенных поддерживалась тризнами, совершавшимися

¹ Летописи называют жителей Древней Руси русскими, но надо помнить, что эти «русские» или «русичи» IX—XIII веков были общими предками украинцев, великорусов и белорусов. Киевская Русь, охватившая пространство от Балтийского моря на севере до Черного моря на юге, от Карпат на западе до Волги на востоке, была общей прародиной трех братских народов.

на их курганах, культом, которым были окружены многие из могильных насыпей. С ними связывались различные сказания, жившие в окружающем населении, пока существовали и самые насыпи. Число этих холмов на территории Древней Руси было особенно велико. Их было очень много и в самом Киеве.

Первые летописцы неоднократно ссылаются на эти могильные холмы как на достоверных и правдивых свидетелей точности их исторического повествования. Так, например, память о завоевании Киева Олегом была связана с могилами Аскольда и Дира; гибель Игоря — с его могилой «у Искоростеня града у древлян»; легенда о Вещем Олеге — также с его могилой: «Есть же могила его и до сего дня, слывет могила Олегова» и т. д. Об этих могилах летописец замечает, что они существуют и «до сего дня», о многих из них он говорит, что они «слывут», то есть славятся погребенными в них князьями.

Не только с древними могилами была соединена народная память о делах минувшего. Города и урочища прочно хранили память о своем возникновении. Народная память в Новгороде и в Ладоге связывала определенные места с Рюриком, в Изборске — с Трувором, в Белоозере — с Синеусом. Местные по своему приурочению, эти предания говорили об общерусских деятелях, о событиях общерусской истории. Местные воспоминания о княгине Ольге хранили многочисленные урочища, села, погосты, перевесища (места, где ловились птицы) по Днепру и Десне. В Пскове сохранялись сани Ольги. «И ловища ее сохранились по всей земли и свидетельства о ней и места ее и погосты», — пишет летописец, отмечая общерусский характер исторических преданий о княгине Ольге.

Насколько обильными и подробными были эти исторические воспоминания, показывает хотя бы та точная топография древнего Киева, которую дает летописец, описывая времена, отстоящие от него на целое столетие: «Вода тогда текла у подножия горы Киевской, и на Подоле не жили люди, но на горе. Град же был Киев там, где стоит ныне двор Гордятин и Никифоров, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротиславля и Чюдина, а перевесище (ловушки для птиц) было вне града, и был вне града двор другой, где находится двор деместика (руководителя хора) за церковью святой Богородицы; над горою был двор теремной, был тут терем каменный». Сейчас эти указания летописца ничего не говорят рядовому читателю, но для читателя в XII веке они говорили многое.

Характерно, что наиболее древние исторические воспоминания самым тесным образом связаны с языческим, дохристианским культом предков, но чем ближе ко времени, когда уже пишут летописцы, тем яснее выступают исторические припоминания сами по себе. Историческое самосознание народа становится все более интенсивным, вводится в точные хронологические рамки.

Таким образом, на всем пространстве Руси от Изборска, Ладоги и Белоозера и до северных берегов Черного моря, до Корсуни, где показывали летописцу церковь, в которой крестился Владимир, и до Тмуторокани, нынешняя Тамань на берегу Черного моря, хранилась историческая память об общерусских героях, о первых русских князьях, «трудом» своим великим собиравших Русскую землю. Даже вне пределов Руси, на далеком Дунае, указывали город (Киевец), якобы основанный Кием. Местные по своему приурочению, но общерусские по своему содержанию, эти предания свидетельствовали о широте исторического кругозора народа. В этих местных исторических

преданиях говорилось не только о Руси, но и о соседящих с нею народах и странах: венгры, печенеги, греки, скандинавы, хазары, поляки, болгары, а с другой стороны — Царьград, Тмуторокань, Корсунь, Ладога, Новгород, Киев и т. д. составляли тот широкий географический фон, на котором разворачивалось действие легенд, связанных с урочищами. Таким образом, сама Русская земля с ее многочисленными городами, урочищами, селами, могильными насыпями была как бы живою книгою ее неписаной истории.

Та же «Повесть временных лет», которая сохранила нам многие местные легенды, свидетельствует и о других формах устной исторической памяти.

Внимательный анализ киевского летописания показывает, что многие записи сделаны в нем на основании рассказов двух лиц: Вышаты Остромирича и его сына Яня Вышатича, участие которого в летописании прямо отмечено под 1106 годом; под этим годом составитель «Повести временных лет» говорит о Яне, о его смерти и отмечает: «От него же и я многие слова слышал, которые и вписал в летописанье это, — все то, что от него слышал».

Князья постоянно вспоминали отцов и дедов своих, в широкой степени считаясь с родовыми традициями, с родовой преемственностью, с правами своего рода. Когда, например, в 1097 году Давыд и Олег Святославичи узнали об ослеплении Василька Тербовльского, оба они стали очень печальны и сказали: «Сего не было еще в роде нашем».

Еще одним видом устной исторической памяти, отраженной в «Повести временных лет», была дружинная поэзия. Дружинная среда, окружавшая русских князей, прочнее всего сохраняла память о военных подвигах прошлого. Дружина была хранительницей своих, дружинных традиций. Именно поэтому Святослав не решается нарушить заветы старины и принять крещение. Святослав говорит своей матери Ольге, предлагавшей ему креститься: «Дружина смеяться станет».

«Повесть временных лет» сохранила нам от дописьменного периода Руси содержание нескольких героических преданий именно этой дружинной поэзии. Их основной темой были смелые походы русских дружин на главный и богатейший центр тогдашней Европы — Константинополь. Необычайно дерзкие походы русских создали особенно благоприятные условия для расцвета героической песни. Отголоски этой дружинной поэзии звучат в летописных рассказах о походах на Царьград Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава. Они присутствуют в рассказе о том, как Олег повелел своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. С попутным ветром корабли развернули паруса и с поля подошли к Царьграду. Испуганные греки предложили мир и дань.

Дружинные песни рассказывали о том, как Вещий Олег отказался принять под стенами Царьграда предложенные ему в знак мира яства и вина, которыми греки собирались его отравить. Остатки дружинных песен об Олеге можно видеть в рассказе «Повести временных лет» о щите, который Олег прибил над воротами Царьграда, «свидетельствуя тем о победе». Наконец, и предание о смерти Олега от любимого коня через песни перешло в летопись и распространилось по всей Северной Европе, в местных преданиях Ладоги и в скандинавских сагах.

Отголосками дружинных песен явились и рассказы летописи о знаменитых пирах Владимира Святославича. Воспоминания об этих пирах, для которых варилось по

300 «провар»¹ меду, на которых было «множество мяса — домашнего скота и диких зверей», сохранились в современных былинах. Сознание дружиной своей силы и значения отчетливо выражено в летописном описании одного из пиров, составленном летописцем также, очевидно, на основании дружинной песни. Дружина ропщет на князя за то, что ей приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Более всего на свете любя свою дружину, Владимир, согласно этому дружинному преданию, приказал исковать ей серебряные ложки. «Серебром и золотом не найду себе дружины, — говорит Владимир, — а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой доискались с дружиною золота и серебра».

Особенно рельефна в «Повести временных лет» созданная на основе дружинных песен характеристика бесстрашного князя Святослава, всю свою недолгую жизнь проведшего в далеких походах. «Когда князь Святослав вырос и возмужал, стал он воинов собирать многих храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил с собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и на углях за жарив, так ел. Не имел шатра, но спал, подставляя потник конский и подложив седло в головах. Такими же и все прочие его воины были. И посылал в иные страны, предупреждая: «Хочу на вас идти». Когда побежденные им греки, желая испытать его, прислали ему многочисленные дары — золото и знаменитые византийские паволоки (шелковые ткани), Святослав не взглянул на них, приказав отрокам спрятать принесенное. Когда же греки принесли Святославу меч и иное оружие, Святослав принял оружие в свои руки, ласкал его, хвалил и просил приветствовать византийского царя, пославшего ему их. Греческие послы ужаснулись воинственности Святослава и, вернувшись к своим, сказали: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал царь своих послов к Святославу, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь».

Сходный рассказ, подчеркивающий воинственность русских, передает летописец и о полянах. Когда хазары обложили полян данью, поляне выплатили ее оружием: по мечу от дыма. Хазары отнесли эту дань своему князю, и старцы хазарские ужаснулись воинственности русских: «Не добрая это дань, князь! Мы доискались ее оружием острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных стран».

Таким образом, дружинная поэзия дописьменной Руси была поэзией высокого патриотического пафоса. Именно это делало поэзию дружинников одновременно поэзией народной. Дружина русских князей была дружиной русской по своему патриотическому сознанию.

Этот особый характер народной памяти, отмечавшей в прошлом прежде всего все героическое, придал и первой русской летописи оттенок героичности и эпичности. Начало русской истории было для летописца напоено героизмом. Хвала и прославление отчетливо дают себя чувствовать в летописном изображении первых русских князей — Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира. Напротив того, обращаясь к князьям, своим современникам, летописец уже не воздает им хвалы, он зачастую противопоставляет им прежних князей. Тем самым героическое восхваление прошлого является

¹ «Провар» — количество напитка, которое можно было сварить за один раз.

одновременно и поучительным по отношению к современным летописцу князьям, которых он нередко осуждает.

Это героическое и учительное одновременно значение русской истории прямо подчеркнуто, и в тех же выражениях, что и у киевлян в 1097 году, в предисловии к Начальному своду в Новгородской летописи, предшествовавшему «Повести временных лет»: «Вас молю, стадо Христово: с любовью приклоните уши ваши разумно! Какими были древние князья и мужи их. И как обороняли Русскую землю и иные страны покоряли себе: ибо те князья не собирали многих богатств, не накладывали несправедливых податей, не распродавали имущество людей. Но если была справедливая подать, то ту и взимали и давали дружине на оружие. А дружина их кормилась, воюя иные страны, и говорила, вступая в сражение: «Братье! Потщимся по своему князе и по Русской земле». Не жадничали: «Мало мне, княже, 200 гривен!» Не воскладывали на своих жен золотых обручей, но ходили жены их в серебре. И обогатили землю Русскую...»

Так из устной народной истории Русской земли летопись заимствует не только факты, но и освещение этих фактов, заимствует общее представление о русской истории, ставя эти представления на службу политическим задачам современности.

Важно отметить, что распространенность этой славы не мыслится замкнутой только в пределах Русской земли. Слава князя — не его личная слава, но также и слава всей Русской земли, если только деятельность князя направлена на пользу Русской земле. Эта патриотическая точка зрения, с которой рассматриваются героические подвиги князей, свидетельствует и о высоком историческом сознании.

О славе русских князей говорит в середине XI века митрополит Иларион в своем знаменитом «Слове о законе и благодати»: «Не в бедной и не в неведомой земле владычествовали,— обращается Иларион к Владимиру,— но в Русской, о которой знают и слышат во всех концах света».

О той же всесветной славе пишут и летописцы под разными годами. Под 1111 годом в Ипатьевской летописи говорится о возвращении Владимира Мономаха из победоносного похода на Дон: «Возвратились русские князья восвояси с славою великою к своим людям; и ко всем странам дальним прошла слава о них: к грекам, и к венграм, и к полякам, и к чехам, даже и до Рима прошла во славу богу. Пусть будет так всегда: и нынче и всегда во все века, аминь».

«Повесть временных лет» написана в период, когда один общественный уклад сменялся другим: уходящий патриархально-общинный новым, феодальным. С этим связаны два исторических сознания — эпическое и летописное. «Повесть временных лет» создана как произведение письменности, но, по существу, отражает устное народное творчество. На основе устной традиции своего времени «Повесть временных лет» создает письменный литературный язык, письменную историю Руси.

Устные истоки давали главным образом материал, содержание и идеи для построения русской истории, отчасти ее стилистическое оформление — язык. Традиции же

письменности вводили весь этот материал в привычные для средневековой книжности композиционные рамки. Летописцы работали обычными приемами средневековых книжников. В «Повести временных лет» сказались навыки обращения с материалом, типичные для средневековых писателей и совсем не похожие на писательские навыки нового времени.

Средневековая русская книга внешне, своим составом резко отличается от книг нового времени — XVIII—XX веков. В средневековой письменности редко можно было найти произведение одного автора или одно произведение, переплетенное в отдельный переплет, выделенное в отдельную самостоятельную книгу. Нельзя представить себе, что на книжной полке средневекового любителя чтения стояли рядом в отдельных переплетах «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Поучение Мономаха» и т. д. Средневековая русская книга — пергаменная первоначально (то есть написанная на особым образом выделанной коже), а в конце XIV века бумажная, крытая деревянными крышками, обтянутыми кожей, застегивавшаяся на медные застежки, многолистная и тяжелая — была чаще всего сборником.

Действительно, внимательное и тщательное изучение многочисленных текстов русских летописей показывает, что летописцы составляли летописи как сборники — «своды» предшествующих летописных материалов с присоединением своих записей за последние годы. Именно в результате такого рода соединений в летописях предшествующих летописных материалов иногда получается так, что та или иная летопись дважды, а иногда и трижды говорит об одном и том же событии: соединяя несколько предшествующих летописей в одну, летописец мог не заметить, что он повторил свой рассказ, «дублировал» известие на основании нескольких источников.

Итак, летопись — это свод, сборник. Составляя свой свод, летописец прежде всего заботился о том, чтобы получить в свои руки труды своих предшественников — таких же летописцев, затем исторические документы — договоры, послания, завещания князей, исторические повести, жития русских святых и т. д. и т. п. Собрав весь доступный ему материал, иногда многочисленный и разнообразный, иногда всего два-три произведения, летописец соединял его в последовательном изложении по годам. Летописи он соединял год с годом. Документ помещал под годом, к которому он относился, житие святого — под годом смерти этого святого, историческую повесть, если она охватывала несколько лет, разбивал по годам и каждую часть помещал под своим годом и т. д. Построение летописного изложения по годам давало ему удобную сеть для разнесения в нее все новых и новых произведений. Работа эта не была механической: летописцу приходилось иногда устранять противоречия, иногда производить сложные хронологические изыскания, чтобы поместить каждое событие под своим годом. Исходя из своих политических представлений, летописец иногда пропускал то или иное известие, делал тенденциозную подборку этих известий, изредка сопровождал их собственным кратким политическим комментарием, но при этом не сочинял новых известий. Закончив свою работу «сводчика», летописец дополнял этот материал собственными записями о событиях последних лет.

Составленная из разновременных кусков, из произведений разных жанров, летопись внешне кажется пестрой, сложной, неоднородной. Однако в целом летопись все же едина, как единое здание, построенное из крупных грубо отесанных камней. В этом есть даже особая красота — красота силы, огромности, монументальности.

Единство летописи, как исторического и литературного произведения, не в заглаженности швов и не в уничтожении следов кладки, а в цельности и стройности всей большой летописной постройке в целом, в единой мысли, которая оживляет всю композицию. Летопись — произведение монументального искусства, она мозаична. Рассмотренная вблизи, в упор, она производит впечатление случайного набора кусков драгоценной смальты, но, окинутая взором в ее целом, она поражает нас строгою продуманностью всей композиции, последовательностью повествования, единством и грандиозностью идеи, всепроникающим патриотизмом содержания.

Итак, летописи — это своды, но при этом не только своды предшествующих произведений, но и своды идей. В них получают свое отражение различные идеологии.

Мы видели выше, что в «Повести временных лет» отражены рассказы старых дружинников — Вышаты Остромирича и Яня Вышатича. Вместе с ними в «Повесть временных лет» проникли элементы дружинной идеологии. Эта дружинная идеология сказывается не только в рассказах Вышаты и Яня. Так, например, под 1075 годом в рассказе о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво, — говорят послы о богатствах Святослава. Этого лучше воины. Ведь храбрые мужи добудут и больше того». В сходных выражениях говорит в летописи и Владимир Святославич, когда до него дошел ропот его дружины: «Серебром и золотом не добуду дружины, а дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой добыли дружиною золото и серебро» (в «Повести временных лет» под 996 годом). Особенно ярко противопоставление дружины богатству ощущается в уже приведенном нами рассказе «Повести временных лет» о дарах греков Святославу. Но то же противопоставление заметно и в рассказе под 1073 годом о бегстве князя Изяслава в Польшу «с богатством многим», о котором Изяслав, обманываясь, думал: «Этим наберу воинов». Наконец, то же противопоставление золота дружине звучит и в других летописях.

Естественно напрашивается вопрос: как могла проникнуть в монастырскую летопись дружинная точка зрения на политические события своего времени? Ответ на этот вопрос опять-таки лежит в сводном характере «Повести временных лет». Летопись — это не только свод предшествующих исторических материалов, но иногда и свод различных идеологий. При этом необходимо отметить, что остроте и целенаправленности политической точки зрения летописца не противоречит его стремление сохранить в своей летописи более или менее сходные точки зрения, сходные по своей направленности, хотя иногда и различные по исходным позициям. Идеология «старой дружины» в конце XI века была направлена против новой политики князей, и она дает себя чувствовать в летописи Киево-Печерского монастыря, находившегося в ссоре со Святополком. Для летописца часто не важно, с каких позиций критикуется княжеская власть, ему важна сама критика ее.

То же самое следует сказать не только о политической идеологии летописца, но и о его мировоззрении в целом.

В средневековом обществе религия и церковь играли очень большую роль. Часто говорится о божественном вмешательстве, о божественной помощи и в древней русской

литературе. Автор обращается иногда с молитвой к богу, богородице и святым. Это, в основном, форма средневекового сознания, а за молитвой и обращением к богу часто стоит вполне конкретная мысль: иногда сознание своего патриотического долга, иногда радость по поводу освобождения из плена или по случаю победы, иногда надежда на будущее благополучие или горе. Средневековый человек привык изливать свои чувства и мысли в церковной традиционной форме, обряжать их в церемониальные одежды. Но действовал он, поступал, рассчитывал свои поступки всегда, исходя из реальных обстоятельств и учитывая свои реальные возможности. Это нельзя назвать противоречием — это обычай жить, — обычай, глубоко уходящий в традиции средневековья. Принято говорить о религиозном мировоззрении летописца. Следует, однако, заметить, что летописец отнюдь не отличается последовательностью в этой своей религиозной точке зрения на события. Ход повествования летописца, его конкретные исторические представления очень часто выходят за пределы религиозного мышления и носят чисто практический характер. Свою религиозную точку зрения летописец в значительной мере получает в готовом виде, и она не является для него следствием особенностей его мышления. Поскольку свои религиозные представления летописец во всех их деталях получает извне, обязан их придерживаться официально, они в значительной степени могут расходиться с его личным опытом, с его практической деятельностью как историка. Русская политическая мысль находила себе выражение в тесной связи с реальными событиями своего времени. Она конкретно опиралась на факты современной истории. Для нее не характерны самостоятельные отвлеченные построения христианской мысли, уводившей летописца от земного мира к отвлеченным вопросам предстоящего со смертью каждого человека его разрыва с земным бытием. Вот почему, к счастью для исторического знания Древней Руси, летописец не так уж часто руководствовался своей религиозной философией истории, не подчинял ей целиком своего повествования, а только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к своему деловитому и, в общем, довольно реалистическому рассказу о событиях. Важно при этом отметить, что в выборе моментов, по поводу которых летописец находил необходимым пускаться в религиозные размышления, сказывался тот же средневековый «этикет» писательского ремесла, о котором мы говорили уже выше. Религиозно-дидактические комментарии летописца вызывали всегда одни и те же явления описываемой им жизни: неурожай, моры, пожары, опустошения от врагов, внезапная смерть или небесные знамения.

Вот пример такого торжественного выражения надежды и исторического оптимизма. Под 1093 годом летописец рассказывает об одном из самых страшных поражений русских от половцев и о страдании русских пленников в половецком плену. Закончив этот рассказ, летописец восклицает: «Да никто не дерзнет сказать, что нас ненавидит бог! Да не будет этого! Кого бог любит так, как нас? Кого так почтил, как нас он прославил и вознес? Никого!»

Итак, момент религиозный не пронизывал собою всего летописного изложения.

В этой непоследовательности летописца ценность летописи, так как только благодаря этой непоследовательности в летописное изложение властно вторгаются опыт, непосредственное наблюдение, элементы реализма в описании и рассказе, политическая злободневность — все то, чем так богата и благодаря чему так ценна русская летопись.

Снова возвращаемся к той теме, что «Повесть временных лет» — свод предшествующего исторического материала. В самом деле, в «Повести временных лет» мы отнюдь не имеем дела с единым авторским текстом, принадлежащим одному автору. Ясно, например, что тексты договоров русских с греками под 907, 912, 945 и 971 годами не выдуманы летописцем, что это — документы, только включенные летописцем в свою летопись.

Совершенно отчетливо выделяются в «Повести временных лет» и переводные источники. Летописцы пользовались как историческими источниками различными переводными сочинениями, делали из них выборки, кропотливо, на основании документов воссоздавая историческое прошлое Руси. Эти переводы дошли до нас полностью; поэтому не трудно установить, откуда, из какого места того или иного сочинения взят летописцем какой-нибудь текст и как он переработан для включения в летопись. Из переводных источников исторических сведений летописца укажем прежде всего греческую Хронику Георгия Амартола (то есть «грешного») и его не известного нам по имени греческого продолжателя. На эту Хронику ссылается и сам летописец: «Говорит Георгий в летописании...» Ссылается летописец и на Хронограф (под 1114 годом), из которого также приводит выдержки в разных местах «Повести временных лет». Пользуется летописец как историческим источником и «Летописцем вскоре» константинопольского патриарха Никифора, откуда заимствует под 852 годом хронологическую выкладку. Из переводного греческого Жития Василия Нового летописец приводит под 941 годом описание военных действий Игоря под Константинополем. Ссылается летописец и на авторитет «Откровения» Мефодия епископа Патарского под 1096 годом («Мефодий же свидетельствует о них...» — о половцах). Летописец дает из Мефодия Патарского большие выдержки. Несомненно, что и большое Сказание о начале славянской грамоты под 898 годом также не выдумано летописцем, а приведено им из каких-то западнославянских источников. Труднее определить отдельные русские сказания, вошедшие в состав «Повести временных лет»: о крещении и смерти Ольги, о первых мучениках-варягах, о крещении Руси с «Речью философа», о Борисе и Глебе и другие. Еще более трудно определить те предшествовавшие «Повести временных лет» летописи, которыми пользовался ее составитель и его предшественники. Каков был состав этих предшествовавших «Повести временных лет» летописей? Какими из внелетописных исторических источников воспользовался каждый из летописцев, когда были составлены эти летописи? На все эти вопросы ответить нелегко, здесь возможны по большей части лишь предположения — одни более убедительные, другие менее.

Пристальное наблюдение текста «Повести» тотчас же обнаруживает отдельные части, которые не могли быть написаны автором начала XII века. Летописец XII века не мог знать, что поражение Всеволода половцами в 1061 году произошло точно 2 февраля, что Ростислав Тмутороканский умер 3 февраля 1066 года, что в 1065 году рыбаки выловили в Сетомле неводом урода, что 3 марта 1067 года произошла битва на Немиге, и многое другое.

Кроме того, в «Повести временных лет» обнаруживаются явные вставки, разрушающие логическое развитие рассказа. Так, например, рассказав о троекратном мщении Ольги древлянам за убийство мужа — Игоря, летописец заключает: «И победили древлян». Казалось бы, после этих слов следует ожидать сведений о той дани, которую

Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает о второй победе Ольги — о ее четвертой мести; и только после этого уже следуют слова: «Возложила на них дань тяжку». Ясно, что рассказ о четвертой мести Ольги древлянам искусственно вставлен в летописный текст.

Или еще пример вставки: в 971 году, видя убыль в своей дружине, Святослав решает вернуться из византийских пределов за новым войском. «Пойду на Русь,— говорит он,— приведу больше дружины». И он действительно исполняет свое решение: «пошел в ладьях к порогам». Но между рассказом о решении и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с греками и обширный текст договора. Ясно, что и здесь мы имеем дело со вставкой.

Вставки в тексте «Повести временных лет» были обнаружены различными исследователями. Наличие этих вставок свидетельствует о том, что в основе «Повести временных лет» лежит летопись еще более древняя. Очевидно, что составитель «Повести временных лет» использовал труды своих предшественников летописцев, расширив их этими самыми вставками и продолжив изложение событий до своего времени.

Восстановление летописных сводов, предшествовавших «Повести временных лет», принадлежит к увлекательнейшим страницам филологической науки. Приведем лишь некоторые из соображений, дающих возможность восстановить работу предшественников составителя «Повести временных лет».

Этим составителем «Повести временных лет» был, по-видимому, монах Киево-Печерского монастыря Нестор, работавший около 1113 года. В непосредственном виде труд Нестора не сохранился. Он сохранился лишь в переделках и доработках последующих редакторов. Эти редакторы, принадлежавшие к другой политической ориентации и к другому, враждебному печерянам, монастырю, изъяли имя Нестора из заглавия летописи. Но в одном из списков имя Нестора все-таки сохранилось: «Нестора, черноризца Федосьева монастыря Печерского». Можно думать, что это не позднейшая вставка, так как еще в XIII веке имя Нестора связывали с созданием «Повести временных лет»: в своем послании к епископу Симону 1232 года Поликарп в числе прочих постриженников Печерского монастыря упоминает и Нестора, «иже написа Летописец».

Правда, признание Нестора составителем «Повести временных лет» встречало в науке неоднократные возражения. Исследователи ссылались на противоречия между отдельными сведениями, читающимися в «Повести временных лет» о Киево-Печерском монастыре, и теми, которые даются о том же монастыре в достоверно принадлежащих Нестору произведениях, в частности в Житии одного из основателей монастыря — Феодосия. Однако противоречия эти отнюдь не могут свидетельствовать против авторства Нестора: «Повесть временных лет», как доказывает А. А. Шахматов, была составлена Нестором на 25 лет позднее Жития Феодосия, и противоречащие в ней Житию Феодосия места не принадлежат Нестору: они находятся в ней в составе той части, которая целиком была заимствована Нестором из предшествующего летописного свода.

В пользу авторства Нестора следует привести и следующее соображение: уже два ранних житийных произведения Нестора — «Чтение» о князьях Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского — характеризуют его как писателя, склонного к большим

историческим обобщениям и к тщательной проверке исторического материала. Он называет лиц, со слов которых записаны им события или у которых можно было бы проверить сообщаемые им сведения. В Житии Феодосия он ссылается на свидетельство не только монахов своего Печерского монастыря — современников Феодосия, но и на лиц сторонних: на черниговского игумена Павла, на выдубицкого игумена Софрония, на боярина Гегуевича Здеслава и других.

Начитанность, проявленная Нестором при создании «Повести временных лет», исключительна. Однако Нестор не следует литературной манере своих источников, или если и следует, то лишь в некоторых случаях. Он использует византийские произведения не как литературные образцы, а как исторические источники. Он пользуется их историческими сведениями, но не идеями и не подражает им.

Замечательно, что, пользуясь сведениями своих исторических источников, Нестор свободно перестраивает их текст: сокращает и упрощает стилистически.

Иногда в стилистической переработке источников чувствуется патриотическая рука. Нестор не только изменяет стиль, но отчасти, очень осторожно, перерабатывает и самое освещение событий. Так, например, в Житии Василия Нового говорится о сражении Игорева войска с греками: «И было между ними сражение, побеждена была Русь, и били их греки бежащих». Нестор же излагает это событие так: «И было между ними жестокое сражение, едва одолели греки» («Повесть временных лет», 941 год).

Высокое литературное образование Нестора, его исключительная начитанность в источниках, умение выбрать в них все существенное, сопоставить разноречия и т. д. сделали «Повесть временных лет» не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной, литературно изложенной историей Руси.

Патриотическая возвышенность рассказа, широта политического горизонта, живое чувство народа и единства Руси составляют исключительную особенность создания Нестора.

Историческое сознание Нестора выше его предшественников. Он интересуется первопричинами, происхождением народа, государства, княжеского рода, названий городов и племен. Он в большей мере, чем его предшественники, — исследователь. Его изыскания в области хронологии изумительны. Он пытливо стремится разобраться в противоречиях источников и строит свои сложные исторические гипотезы. Перед нами историк-мыслитель.

Летописец сравнил книги с реками: «Ибо они реки, напоющие Вселенную» («Повесть временных лет» под 1037 годом). Это сравнение летописца как нельзя более подходит к самой летописи. Величавое изложение летописью русской истории действительно может быть уподоблено торжественному и могущественному течению большой русской реки. В этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки — произведения разнообразных жанров, слившиеся здесь в единое и величественное целое. Тут и предшествующие летописи, и сказания, и устные рассказы, и исторические песни, созданные в различной среде: дружинной, монастырской, княжеской, а порой ремесленной и крестьянской. Из всех этих истоков — «родников мудрости» — родилась и «Повесть временных лет» — создание многих авторов, произведение, отразившее в себе и идеологию верхов феодального общества, и народные

воззрения на русскую историю, народные о ней думы и народные чаяния, произведение эпическое и лирическое одновременно — своеобразное мужественное раздумье над историческими путями нашей родины.

«Повесть временных лет» — произведение родное для всякого русского человека. Она повествует о начале Русской земли, о начале русского народа голосом далеких и вместе с тем близких нам русских людей XI — начала XII века. К ее спокойному изложению мы не раз возвращаемся и всегда находим в нем новые и новые, не замеченные нами прежде глубины содержания.

«Повесть временных лет» в полном виде, с дополнениями или с сокращениями, начинала собой все русские летописи в течение полутысячелетия. Это было очень важно, так как она постоянно напоминала своим читателям о единстве Руси, о былой независимости Руси в пору чужеземного ордынского ига, учила патриотизму и взывала к сохранению мира между князьями. Ею открывались летописи владимирские, тверские, ростовские, московские, киевские, галицкие, а впоследствии и белорусские и украинские. В том или ином виде она отразилась во всех историях Древней Руси.

И сейчас, когда мы стоим перед знаменательным юбилеем тысячепятисотлетия «матери городов русьских» Киева, она одна из самых больших святынь для трех братских народов — украинского, русского и белорусского, свидетельствуя об их единстве, о славе и величии нашего общего прошлого.

В издание, которое лежит перед нашими читателями, «Повесть временных лет» вошла далеко не полностью. Мы выбрали из нее только те рассказы, которые стали неперенным элементом знаний всякого образованного человека, которые вошли в русскую литературу, послужив основой для стихотворений, исторических повестей, драматических произведений, опер и картин. Пожелаем читателю счастливой встречи с этим замечательнейшим произведением нашей древности.

Д. С. Лихачев

